

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34, 340.1, 341.9

Дата поступления: 25.01.2025
рецензирования: 26.02.2025
принятия: 12.05.2025

Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы

Я. С. Бутакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: yanabutakova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8686-5384>

Аннотация: Новеллы в санкционном регулировании зарубежных стран в качестве первоочередной меры активизировали быстрые и вынужденные изменения в российском контрсанкционном законодательстве. В статье предпринята попытка определения правовой природы и сущности российских контрсанкций через раскрытие и сравнение институтов международного публичного и частного права. Главной целью статьи является анализ правового содержания российских контрсанкций. Вместе с тем достижение поставленной цели в полной мере представляется невозможным без раскрытия содержания международных санкций, так как контрсанкции в их широком смысле можно рассматривать как разновидность международных санкций (односторонних). Для достижения поставленной цели автор использовал как философские и общенаучные методы познания, так и методы, характерные непосредственно для юридической науки. Основную теоретическую основу исследования составили труды отечественных и иностранных ученых в области международного частного и публичного права. Раскрывая понятие контрсанкции через институты международного публичного и международного частного права, автор приходит к выводам, что российские контрсанкции содержат в себе признаки институтов международного частного и международного публичного права. Вместе с тем можно говорить о явном частноправовом эффекте контрсанкционного регулирования.

Ключевые слова: международные санкции; санкции; контрсанкционное регулирование; контрсанкции; реторсии; контрмеры; репрессалии; рестрикции; самопомощь государства.

Цитирование. Бутакова Я. С. Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бутакова Я. С., 2025

Яна Сергеевна Бутакова – аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.01.2025
Revised: 26.02.2025
Accepted: 12.05.2025

Russian «counter-sanctions»: an attempt to define the legal nature

Ya. S. Butakova

HSE University, Moscow, Russian Federation
E-mail: yanabutakova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8686-5384>

Abstract: Innovations in the sanctions regulation of foreign countries have activated rapid and forced changes in Russian counter-sanctions legislation as a priority measure. The article attempts to determine the legal nature and essence of Russian counter-sanctions through the disclosure and comparison of institutions of international public and private law. The main purpose of the article is to analyze the legal content of Russian counter-sanctions. At the same time, it seems impossible to fully achieve this goal without disclosing the content of international sanctions, since counter-sanctions, in their broadest sense, can be considered as a type of international (unilateral) sanctions. To achieve this goal, the author

used both philosophical and general scientific methods of cognition, as well as methods specific to legal science. The main theoretical basis of the research was the works of domestic and foreign scientists in the field of private and public international law. Revealing the concept of counter-sanctions through the institutions of public international and private international law, the author comes to the conclusion that Russian counter-sanctions contain signs of institutions of private international and public international law. At the same time, we can talk about the obvious private law effect of counter-sanctions regulation.

Key words: international sanctions; sanctions; counter-sanctions regulation; counter-sanctions; retorsions; countermeasures; reprisals; restrictions; self-help of the state.

Citation. Butakova Ya. S. *Rossiiskie «kontrsanktsii»: popytka opredeleniya pravovoi prirody* [Russian «counter-sanctions»: an attempt to define the legal nature]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Butakova Ya. S., 2025

Yana S. Butakova – postgraduate student, lecturer, HSE University, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

Введение

Особенностью международных экономических санкций является ответная правовая реакция национального законодателя страны – объекта санкций, а именно формирование защитных контрсанкционных мер. Происходит формирование института контрсанкционного регулирования в ответ на недружественные односторонние ограничительные меры в целях защиты собственных национальных интересов. Такие законотворческие процессы происходят в Беларуси, России, Кубе, Иране, Китае [1, с. 51] и множестве других стран, пострадавших от односторонних санкций. Вместе с тем контрсанкции являются своего рода разновидностью односторонних санкций, но применяются только при возникновении объективной и существенной угрозы, обусловленной неправомерными или недружественными действиями иностранного субъекта [2, с. 131].

Контрсанкционное российское регулирование в широком смысле можно рассматривать и как санкционное регулирование, т. к. в основе и того и другого стоит задача по формированию правовой, легальной основы введения санкций против иностранных государств, их компаний и институтов, а также защита собственной экономики и ее субъектов. К настоящему моменту в России принято множество нормативных правовых актов, направленных на защиту экономических интересов страны в условиях международных санкций. Ранее введенные в этой связи разрозненные правовые нормы стали постепенно приобретать выраженные черты единства регулирования, что позволяет утверждать о формировании самостоятельного правового института – института контрсанкционного (или санкционного) регулирования [3, с. 75].

Важно отметить, что, с одной стороны, формирование нового института российского контрсанкционного регулирования стало ответом на ужесточившиеся санкции в отношении России и было призвано защитить имеющиеся общественные отношения (корпоративные, налоговые, таможенные и иные) в новых условиях. С другой стороны, новое регулирование является продолжением санкционной политики России, основу которой

зложил Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее – ФЗ № 281).

1. Контрсанкции и санкции: определение

Термин «контрсанкции» тесно связан с термином «санкции». **Контрсанкции** – это меры политического и экономико-социального характера, которые вводятся государством в ответ на применяемые по отношению к нему односторонние социально-экономические санкции. Данному термину исторически предшествовал (и продолжает применяться параллельно или совместно) термин «специальные экономические меры». Согласно ФЗ № 281, специальные экономические меры – это запрет на совершение действий в отношении иностранного государства и (или) иностранных организаций и граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории иностранного государства, и (или) возложение обязанности совершения указанных действий и иные ограничения. Вместе с тем доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН А. В. Габов вводит в научный оборот термин «антисанкционные меры». Согласно автору, антисанкционные меры – это **система правовых средств, направленных на устранение или снижение негативных последствий ограничительных мер (санкций)** [4, с. 110]. Нельзя также не отметить вклад в изучение российского контрсанкционного регулирования доктора юридических наук, профессора Б. А. Шахназарова [5, с. 145], который впервые ввел в оборот термин «санкционное право», указав, что оно включает в свой правовой периметр публично-правовые и частноправовые отношения.

Вместе с тем международными санкциями¹, с позиции международного публичного права, являются лишь меры, принимаемые Советом Безопасности согласно Уставу ООН и обеспе-

¹ В рамках настоящей статьи автор не ставит целью подробный анализ содержания и правовой сущности международных санкций в контексте международного права. Раскрытие содержания приведено в целях проведения сравнительного анализа с российскими контрсанкциями.

ченные системой гарантий, не позволяющих использовать их для получения односторонних преимуществ. Применительно к современным международным экономическим санкциям таких гарантий нет [6, с. 34]. Так, ст. 41 Устава ООН закрепляет полномочия Совета Безопасности по принятию решений об использовании мер, не связанных с вооруженной силой (такие как прекращение экономических отношений, ограничение перевозок и разрыв дипломатических отношений). Вместе с тем целью данных мер является поддержание или восстановление международного мира и безопасности (ст. 39 Устава ООН).

Отдельно отметим, что некоторые международные акты в области торговли закрепляют возможность применения односторонних ограничений. Так, в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. и Генерального соглашения по торговле услугами 1994 г. односторонние торговые ограничения возможны, если, по мнению участника ВТО, имеется угроза его безопасности [7]. Официальная позиция ряда стран, а также России заключается в непризнании легальности современных односторонних экономических санкций.

При этом вопрос о правовой сущности и содержании санкций в международном праве до сих пор является дискуссионным. Так, в доктрине встречаются следующие определения санкций. Согласно определению Х. Келера, санкции – это принудительные меры, принимаемые одним государством или группой государств против другого государства, при этом они являются законными только тогда, когда деяния подсанкционного государства представляют угрозу национальной безопасности, или тогда, когда используются в качестве контрмеры против международных противоправных действий государства. Международные экономические санкции являются средством, наравне с военной силой, для восстановления международного мира и безопасности. При этом автор отмечает, что любая политика санкций связана с фактической оценкой действий подсанкционного субъекта как противоправных или законных [6]. А. В. Калинин подчеркивает, что односторонние меры не являются санкциями. В международном праве санкции всегда вертикальные, основой их легальности являются согласованные в рамках определенного институционального механизма действия международного сообщества, направленные на восстановление и поддержание международной безопасности [8, с. 35]. И, как указывает в своих трудах И. И. Лукашук, государства, активно применяющие односторонние меры принуждения к другим государствам, предпочитают использовать термин «санкции» [9, с. 311].

В своей работе Й. Гальтунг дает определение санкциям как действиям одного или нескольких международных субъектов против одного или нескольких других объектов в целях их наказания и принуждения к определенному поведению [10, с. 400]. При этом, с позиции автора, основной эле-

мент санкций – именно подчинение объекта санкций определенным правилам, нормам, а не его наказание. А Ф. Гюмейли считает, что санкции – это политически обусловленные меры, являющиеся следствием нарушения международных норм [11, с. 137].

Определение санкций содержится в Проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts)², в которые включены расширенные комментарии Комиссии международного права (в отличие от их приведенного сокращенного вида в приложении к Резолюции 56/83 от 12.12.2001³, далее – Резолюция № 56/83). Так, Комиссия международного права определила санкции как «коллективные принудительные меры, решение об осуществлении которых принимается международной организацией или группой государств». Впоследствии Комиссия по международному праву ООН при подготовке вышеуказанного Проекта статей об ответственности намеренно отказалась от использования термина «санкции», заменив его на «меры» и «контрмеры» для описания «горизонтальных» реакций государств на международные нарушения.

Обобщая сказанное, следует признать, что разделение терминов «международные экономические санкции» и «односторонние ограничительные меры» играет особую дискуссионную роль для целей науки и практики, вместе с тем необходимо отметить тенденцию их повсеместного смешения и взаимозаменяемого использования. Таким образом, санкции – это меры, принимаемые одним субъектом в отношении другого субъекта международного права в целях добиться изменения поведения первого, в то время как контрсанкции – это ответ на односторонние недружественные ограничительные меры в целях минимизации их негативного воздействия. Однако критерий «недружественности» как внешнее выражение действий, негативно влияющих на суверенитет и безопасность государства и его лиц, может иметь определяющее значение как для международных санкций, так и для ответных контрсанкций. Установление и раскрытие факта недружественных действий может стать обоснованием применения ограничительных мер против государства и его лиц.

При этом, с учетом современных санкционных реалий и подходов в доктрине, международные экономические санкции можно определить как меры принуждения преимущественно экономи-

² Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts 2001. URL: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Second%20Batch/ARSIWA%20Commentaries.pdf>.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». A/RES/56/83. URL: <https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/56/83>.

ческого характера в целях воздействия на объект санкций и достижения определенного политического эффекта, не являющиеся легальными в случае их принятия в одностороннем порядке в обход норм международного права.

2. Контрсанкции как репрессалии⁴

Репрессалии являются категориями индивидуальных материальных мер международно-правового принуждения. В главе II Резолюции ООН 56/83 от 12.12.2001 говорится о контрмерах (countermeasures), которые пострадавшее государство может принимать против государства, ответственного за международное правонарушение, с целью мотивировать его выполнить свои обязательства. При этом в статьях не выделяются непосредственно репрессалии, а используется именно обобщающий термин «контрмеры». Несмотря на то что термин «репрессалии» используется в современном праве в контексте контрсанкций, что является абсолютно корректным и правильным, в современной доктрине периодически встречается автономное упоминание репрессалий. Ряд исследователей, таких как М. В. Кешнер, Ф. И. Валяровский, В. К. Суворов, Е. А. Коновалова, обособляют термин «репрессалии», противопоставляя его термину «реторсии», о чем будет сказано позднее.

Репрессалии – это точечные правомерные принудительные меры, принимаемые в двусторонних отношениях одним государством в ответ на серьезные международные нарушения и преступления, совершенные другим государством-адресатом. Принудительный характер репрессалий означает использование в отношении адресата мер, в обычных условиях противоправных, однако в случаях, когда эти меры носят ответный и соразмерный характер, – правомерных. Но при этом современная научная мысль призывает отказаться от термина «репрессалии» как устаревшего и ассоциирующегося с правом на акт военной агрессии [12, с. 38]. А Декларация о принципах международного права от 24.10.1970 № 2625 закрепляет обязанность государств воздержаться от актов репрессалий, связанных с применением силы.

На наш взгляд, отождествление российских контрсанкций с репрессалиями является недопустимым ввиду разных целей репрессалий и контрсанкций. Так, если репрессалии имеют карательную цель, то российские контрсанкции направлены на защиту суверенитета и национальных интересов. Например, Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79⁵ закрепляет, что он вводится

«в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки (...) в целях защиты национальных интересов Российской Федерации», а Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»⁶ преследует цель «защиты интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

3. Контрсанкции как контрмеры

Контрмеры являются характерной чертой децентрализованной системы, т. е. системы, находящейся вне какого-либо надгосударственного объединения, «с помощью которой потерпевшие государства могут добиваться защиты своих прав и восстановления правовых отношений с ответственным государством, которые были разорваны в результате международно-противоправного деяния» (из комментария к ст. 48 Резолюции № 56/83). При этом контрмеры, согласно ст. 54 Резолюции № 56/83, применяются непосредственно потерпевшим государством. Таким образом, если утверждать, что РФ не совершила противоправного международного деяния, а иностранные государства совершили необоснованный и нелегитимный акт санкционной агрессии, то российские контрсанкции можно квалифицировать как контрмеры с позиции международного права. Российские контрсанкции подпадают под определение контрмер как формы самопомощи пострадавшего государства только в том случае, если они введены непосредственно пострадавшей от ограничительных действий иностранных государств стороной (Россией) или имеет место факт правонарушения страны – объекта санкций.

Таким образом, основным критерием квалификации контрсанкций в качестве контрмеры является признание или непризнание действий страны – объекта санкций неправомерными и нарушающими нормы международного права. В тех случаях, когда существование международно-противоправного деяния оспаривается, государство, прибегающее к контрмерам, делает это на свой страх и риск и может понести ответственность, если компетентный орган сочтет его оценку необоснованной, т. к. контрсанкции как контрмеры должны быть направлены только против государства-правонарушителя (за исключением третьих

⁴ Выделение репрессалий и далее самопомощи государства в отдельные пункты настоящей статьи произведено исключительно в целях удобства изложения материала, а не обусловлено попыткой автора обосновать их как отдельные категории (автономные понятия).

⁵ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных

Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/403615686>.

⁶ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117>.

государств) и имеют целью побуждение этого государства к выполнению соответствующего обязательства.

4. Контрсанкции как самопомощь пострадавшего государства

Наряду с термином «контрмеры» международное право использует термин «самопомощь», который является альтернативой санкций ООН и связан с принятием ненасильственных мер. В ряде исследований самопомощь государств обозначается как серая зона, т. к. это меры, которые *ab initio* не порождают противоправного деяния со стороны принимающего их государства и, соответственно, не регулируются международным правом.

Некоторые концепции самопомощи признаются международным правом под термином «ответные меры и контрмеры», которые, в свою очередь, чаще упоминаются в доктрине как реторсии. В современных исследованиях утверждается, что самопомощь государств тесно связана с правом государства на насилие и противоречит современному международному праву. Термин «самопомощь», по мнению И. И. Лукашука, отпал как не соответствующий юридическому характеру международного права [9, с. 87].

При этом и самопомощь, и контрмеры часто используются как взаимозаменяемые синонимы, что является некорректным с позиции международно-правового понятийно-категориального аппарата. В комментарии 2 к разделу 2, комментарии 2 к ст. 52 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния контрмеры называют формой самопомощи пострадавшего государства [13, с. 145].

В этой части также имеет значение факт законности действий объекта санкций. Если международное сообщество незаконно обрушило на объект санкций весь массив санкций, то пострадавшее государство имело полное право прибегнуть к самопомощи в виде контрмер – контрсанкций.

5. Контрсанкции как рестрикции и односторонние меры

В современной юридической науке практически нет исследований, касающихся института рестрикций. Так, К. В. Крицкий указывает, что рестрикции применяются одним государством (государственным объединением) в отношении другого, носят финансово-экономический характер, направлены против отдельных лиц той страны, в отношении которой они применяются, либо целых отраслей ее экономики и преследуют цель защиты интересов и принуждения государства – адресата санкций к изменению своей политики [14, с. 70]. При этом рестрикции не являются средством имплементации международно-правовой ответственности, а представляют собой механизм осуществления внешней политики отдельных государств [15, с. 175]. Введение рестрикций не требует какого-либо одобрения международного сообщества, а конкретные формы рестрикций

определяются непосредственно и самостоятельно государством. Таким образом, рестрикции применяются вне зависимости от доказанности факта правонарушения страны – объекта санкций.

Природа контрсанкций и рестрикций неодинакова. Рестрикции направлены на обеспечение международного мира и безопасности, существующего миропорядка, пресечение и предотвращение нежелательных деяний государств, посягающих на них, а российские контрсанкции преследуют национальные интересы, вне общих целей и задач мирового сообщества.

Говоря про международные санкции в классическом понимании, возможно охарактеризовать их как коллективные меры в рамках ООН и ответной реакции на международное правонарушение. Санкции, в контексте коллективных мер, не могут вводиться в целях защиты национальных интересов, если это прямо не предусмотрено нормами международного права. В резолюциях ООН указывается, что односторонние принудительные меры противоречат международному праву и Уставу ООН, угрожают суверенитету государств, нарушают принцип невмешательства во внутренние дела.

Вместе с тем российские контрсанкции, хотя и имеют определенные черты международных санкций (односторонних ограничительных мер), ими не являются, а их оценивание, в контексте Устава ООН, является некорректным. При этом ФЗ № 281 закрепляет, что Россия вправе ввести специальные экономические меры в ответ на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, а также в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Как следует из формулировок указанного закона, происходит смешивание коллективных принудительных мер (санкции в их классическом виде) и индивидуальных ответных принудительных мер (контрмер).

6. Контрсанкции как реторсии

Прежде чем сделать вывод о наличии в российских контрсанкциях признаков реторсий (ст. 1194 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ), необходимо сравнить последние с уже рассмотренными институтами международного права. Так, отличием реторсий от репрессалий (помимо того, что одни, в классическом их понимании, являются институтом международного частного права, а другие – публичного) является то, что реторсии не обязательно принимаются в ответ на предшествующее международно-противоправное деяние [16, с. 256]. Таким образом, реторсия может не быть временной или обратимой мерой [17, с. 198]. Вместе с тем, как справедливо замечает А. В. Габов, в современной науке не сложилось универсального подхода в части соотношения контрсанкционных мер с репрессалиями и реторсиями, однозначного понимания к подходам их применения, а также к вопросу их соразмерности [4, с. 110].

Ряд исследователей отличает репрессалии от реторсий на том основании, что первые обычно выражаются в виде ответных насильственных действий пострадавшей стороны [12, с. 38]. Другие авторы утверждают, что реторсия – это ответ на недружественный акт, не составляющий международного правонарушения, в то время как репрессалии служат ответной реакцией на противоправные действия [18, с. 16].

Вместе с тем М. В. Кешнер утверждает, что реторсии, в отличие от санкций (и, полагаем, контрсанкций как разновидности санкций), могут использоваться в качестве превентивной меры [19, с. 115]. На наш взгляд, данное утверждение является относительно спорным, так как реторсии, хотя и могут быть использованы, но не обязательно используются как превентивная мера, а российское право трактует реторсии именно как установленные ответные ограничения. Аналогичное определение содержится в разделе VII Гражданского кодекса Республики Беларусь, а также в ряде кодексов бывших республик СССР. Реторсии и контрсанкции, являясь ответными мерами, носят близкий характер.

Разграничивая реторсии и репрессалии, принято отмечать, что если первые являются национальным актом, то вторые – международным. Важно подчеркнуть, что в современной российской доктрине не представлены детальный анализ российских контрсанкций и их квалификация в контексте международного частного права [4, с. 140]. Так, только делаются первые попытки квалифицировать российские ответные меры как реторсии [20, с. 323].

При этом представляется достаточно вероятным, что российская судебная практика пойдет по пути признания российских контрсанкций реторсиями. Первой подобной попыткой отнести российские контрсанкции к реторсиям стало решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 по делу № А28-11930/2021, в котором было отказано в защите интеллектуальных прав представителю недружественного государства со ссылкой на Указ Президента от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». Суд впервые в российской судебной практике отказал истцу (Entertainment One UK Ltd.) в защите его интеллектуальных прав со ссылкой на происхождение истца из недружественного государства – Великобритании. А сам факт защиты своих прав истцом суд расценил как злоупотребление правом, с учетом введения ограничительных мер в отношении России. Несмотря на то что в дальнейшем апелляционная инстанция отменила данное решение, подтвердив, что «на территории Российской Федерации гражданам и организациям равным образом гарантируется защита всех форм собственности (...)», а общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой систе-

мы Российской Федерации⁷, описанное дело можно считать квазипреcedентным. В последующей судебной практике суды не давали оценку обстоятельствам дел с санкционной составляющей с позиции реторсий.

Отдельно необходимо обратить внимание на проблему соразмерности контрсанкционных мер. Построенное на принципах сотрудничества и взаимности международное частное право допускает ответное реагирование государства на недружественные действия другого государства. Фактическое содержание реторсий заключается в правомерном ответе на дискриминацию со стороны другого государства. Термин «соразмерность» как критерий реторсий тесно связан с проблемой критериев непосредственно самой соразмерности. Невозможно однозначно ответить, как рассчитать и вычислить соразмерность подобного рода ответных мер. На наш взгляд, направленная на устранение дискриминирующего поведения реторсия может отступить от требования императивного соблюдения принципа соразмерности.

Таким образом, российские контрсанкции имеют ряд признаков реторсий. Они не обязательно вводятся в ответ на предшествующие правонарушения или преступление государства – субъекта санкций, причиной может быть также нежелательное поведение страны – субъекта санкций.

7. Контрсанкции как нормы непосредственного применения

В современной доктрине термин «нормы непосредственного применения» и «сверхимперативные нормы» являются синонимичными, при этом исследователи предпочитают использовать именно термин «сверхимперативные нормы» указывая на неопределенность границ данной категории [21, с. 25].

Положения об императивных и сверхимперативных нормах в международном частном праве закреплены в современном законодательстве благодаря учению Ф. К. Савиньи. Именно он выделил и различал в международном частном праве два вида императивных норм [22–24]. К первому виду ученый отнес императивные формы «норм, действие которых не может быть парализовано контрактом». Ко второму типу (классу) Савиньи отнес нормы, не только установленные в интересах отдельных лиц, но и сформированные по моральным соображениям или исходя из общественных интересов, – оговорки об общественном/публичном порядке. Эти нормы, по мнению Савиньи, должны применяться при любых обстоятельствах, в том числе в тех случаях, когда они неизвестны этой иностранной системе.

Сверхимперативные нормы необходимо отличать от императивных норм. Так, в современной

⁷ Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 21.06.2022 по делу № А28-11930/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a45fa186-05bb-43b5-87d9-1f0d3b640142>.

доктрине к сверхимперативным нормам (нормам непосредственного действия) относятся только те нормы, которые защищают публичные интересы, являющиеся конституционными ценностями, имеющими принципиальное значение для устройства страны. К императивным нормам относятся нормы, закрепляющие публичные интересы, не относящиеся к конституционно значимым ценностям [25, с. 83].

Термин «нормы непосредственного применения» в российском законодательстве закреплён в ст. 1192 ГК РФ. Смысл данной нормы используется в узком значении и тем самым отражает правовую природу этой особой категории норм, которые применяются непосредственно, напрямую, т. е. минуя какие-либо коллизионные нормы и соглашения сторон о выборе применимого права.

Легальное определение сверхимперативной нормы содержится в Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17.06.2008 № 593/2008. Так, согласно п. 1 ст. 9 указанного Регламента, под сверхимперативными нормами (*overriding mandatory provisions*) понимаются положения, соблюдение которых имеет ключевое/критическое (*crucial*) значение для охраны публичных интересов принявшего их государства. Следует отметить, что как вышеуказанный Регламент, так и содержащееся в его тексте определение сверхимперативных норм являются обязательными лишь для стран – участников ЕС.

Вместе с тем О. В. Засемкова выделяет следующие признаки, по которым российские императивные нормы можно квалифицировать как сверхимперативные: материально-правовой характер; особая императивность; безусловный характер действия; нацеленность на защиту наиболее значимых интересов государства или отдельных категорий лиц; необходимость [26, с. 90]. Можно выделить соответствующие признаки сверхимперативных норм, присутствующие в российском контрсанкционном регулировании.

1. *Их цели* – защита публичных интересов государства. Примером являются Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79⁸, закрепляющий, что он вводится «в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки (...) в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» и Федеральный закон от 04.06.2018 № 127 «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»⁹, за-

крепляющий в качестве цели «защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

2. *Фундаментальная важность* нормы для защиты этих интересов оправдывает ее применение в любой ситуации, подпадающей под ее действие, *независимо от применимого права*. Здесь примером являются нормы АПК РФ в части возможности изменения подсудности в одностороннем порядке (248.1 АПК РФ).

3. *Особый императив* нормы – в дополнение к тому факту, что от нее нельзя отступать во «внутренних» договорах: такая норма подлежит применению даже в тех случаях, когда отношения содержат иностранный элемент и регулируются иностранным правом. Например, с 17 января 2023 г. введена временная процедура ограничения корпоративных прав иностранных участников в ряде российских корпораций, а именно: российские компании из сфер энергетики, машиностроения и торговли имеют право голосовать, не учитывая голоса акционеров из «недружественных» стран при принятии корпоративных решений¹⁰.

4. Нормы являются сверхимперативными вследствие *прямого указания на их особый характер* (или это прямо следует из особой значимости охраняемых ими отношений). Практически все акты в рамках «контрсанкционного» регулирования приняты в целях обеспечения безопасности РФ.

Можно предположить, что российские контрсанкции имеют признаки сверхимперативных норм / норм непосредственного применения. Но подобное утверждение поднимает вопрос о возможности признания норм публичного права сверхимперативными. Так, **Постановление Пленума Верховного суда от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»** в п. 9 закрепляет, что норма имеет особое значение и относится к нормам непосредственного применения, если она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства. Из данного определения неясно, входят ли в перечень сверхимперативных норм нормы только частного права, или также нормы публичного права. Если признать, что нормы публичного права могут быть сверхимперативными, то российские контрсанкции, являясь межотраслевым институтом на стыке частного и публичного права (о чем будет сказано ниже), можно квалифицировать как сверхимперативную норму.

⁸ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47577>.

⁹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117>.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 17.01.2023 № 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских хозяйственных обществ». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301170007?index=0&rangeSize=1>.

Современные российские контрсанкции как разновидность санкций содержат признаки норм непосредственного применения (сверхимперативных норм) и реторсий. При этом, допуская, что нормы публичного права могут быть отнесены к категории сверхимперативных, а реторсии не всегда должны быть соразмерными ввиду особо значимой цели их введения, российские контрсанкции можно квалифицировать как сверхимперативную норму (в части публичного регулирования, непосредственно направленного на защиту безопасности РФ и особо значимых общественных интересов) и реторсию (как ответную меру в части охраны прав и свобод частных лиц).

8. Контрсанкции как частноправовое и публично-правовое явления

В процессе анализа правовой сущности контрсанкций актуальным является определение места данного института в системе международного частного или публичного права, что в дальнейшем позволит очертить пределы допустимого вторжения государства – субъекта санкций в сферу личных интересов подсанкционных лиц.

Российские контрсанкции действуют в пределах территории принявшего их государства и имеют сугубо территориальный характер, а нарушение закрепленных контрсанкционных запретов является основанием для привлечения к ответственности в рамках национального законодательства. Так, если обратиться к ФЗ № 281, в ч. 3 ст. 3 указано, что *«реализация специальных экономических мер обязательна для органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также для находящихся под юрисдикцией Российской Федерации организаций и физических лиц»*. Таким образом, государство обладает юрисдикцией применять ограничения в пределах своей территории, а также налагать запреты на своих физических и юридических лиц для защиты публичных интересов.

В ряде исследований санкции (односторонние ограничительные меры) определяются как инструмент внешней политики, который направлен на ограничение и понижение экономического потенциала страны – объекта санкций [27, с. 319]. И если международные экономические санкции носят в большей степени публичный характер, то российские контрсанкции, как реакция на них, носят и частноправовой, и публично-правовой характер. Так, международные ограничения на поставку товаров в Россию вызвали ответное явление российской правовой системы (контрсанкции) в виде Постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506¹¹, легализовавшего параллельный импорт в

современном виде. Данный нормативный акт является примером публичного акта, оказывающего непосредственное влияние на частноправовые отношения.

Отвечая на вопрос, относятся ли контрсанкции к частноправовым или публично-правовым явлениям, интересным представляется, что современная юридическая доктрина отмечает развитие процессов публизации и приватизации между частным и публичным правом. Нормы частного права также имеют безусловное значение в случаях защиты публичных интересов. При этом, как отмечает Е. Н. Пименова, любое право может быть сведено к публичному интересу, если взять не изолированное отношение, а всю совокупность однородных отношений, тот или иной юридический институт [28, с. 115]. Наглядным примером этому может быть Указ Президента РФ № 302 от 25.04.2023¹², который ввел новый санкционный институт – временное управление иностранными компаниями. Данный Указ, являясь публичным актом, позволяет ограничивать частные права (корпоративные, личные имущественные и личные неимущественные).

Необходимо обратить внимание на то, что современные контрсанкции затронули такую сферу частного права, как корпоративные отношения. Экономические санкции, вводимые зарубежными государствами в отношении российских лиц, и российские контрсанкции оказывают существенное влияние на корпоративные отношения в российских корпорациях, на корпоративное управление, владение и контроль в них, изменяют характер отношений между акционерами корпорации и иными заинтересованными лицами. Так, наиболее серьезным результатом подобного влияния стало ограничение частных прав акционеров: права акционера на участие в распределении прибыли (получение дивидендов), а также права участвовать в общих собраниях компании и голосовать на них.

Вместе с тем с момента начала активного формирования российского контрсанкционного регулирования произошло обособление акционеров из недружественных государств от иных акционеров. Для этого процесса характерно формирование отдельного законодательства, специальных ограничений, а также обособленных процедур согласования и проведения сделок с их участием (участием их капитала). Таким образом, можно утверждать, что произошло оформление нового субъекта корпоративных отношений – акционеров / участников корпораций из недружественных государств. А сам факт такого явного вмешательства контрсанкционного регулирования в сферу частного права наглядно демонстрирует наличие частноправового эффекта у международных санкций и российских контрсанкций. Современные санкционные и контр-

¹¹ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/?ysclid=m7vyh3ksra60145370.

¹² Указ Президента РФ от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445530/?ysclid=m7vyiyqbdm793066636.

санкционные условия подняли проблему широкого ограничения прав участников корпораций в русле негативного влияния на частные права в целом. Аналогичного опыта столь масштабного влияния внешних факторов на корпоративные права в России в современной истории не было.

Отдельно необходимо обратить внимание, что российское контрсанкционное регулирование тесно связано с институтом международного частного права – публичным порядком (ст. 1193 ГК РФ). Важным документом в указанном контексте является Указ Президента от 03.05.2022 № 252¹³. В данном Указе четко обозначается цель защиты публичных интересов, а именно уточняется, что меры вводятся в целях защиты национальных интересов страны и в ответ на враждебные и противоречащие международному праву действия иностранных государств.

Представляется невозможным однозначное и исключительное отнесение российских контрсанкций к международному частному или публичному праву, но мы можем говорить об их ярком частноправовом эффекте. Национальные акты, зачастую являясь актами публичного права, определяют юридические права и обязанности не только субъектов публичного права, но и частного права. Институт российского контрсанкционного регулирования связан с такими нормами международного частного права, как реторсии, сверхимперативные нормы, публичный порядок.

Заключение

Таким образом, российские контрсанкции содержат в себе признаки институтов международного частного и международного публичного права. Вместе с тем можно говорить о явном частноправовом эффекте контрсанкционного регулирования. Санкционное регулирование отражает современные процессы формирования частноправового аспекта публичного права, с одной стороны, и, с другой стороны, усиление публично-правового воздействия частного права, размытая границы между публичным и частным правом. Акты, вводящие международные экономические санкции, имеют публичный характер, и при этом

они определяют права и обязанности субъектов частного права. Контрсанкции, вводимые нормами российского публичного права, не могли не отразиться на частноправовых отношениях, что прямо следует из объема частных правоотношений, затронутых контрсанкционным регулированием (имущественных, корпоративных, трудовых и иных отношений).

При этом, допуская, что нормы публичного права могут быть отнесены к категории сверхимперативных, а реторсии не всегда должны быть соразмерными ввиду особо значимой цели их введения, российские контрсанкции можно квалифицировать как сверхимперативную норму и реторсию. Заметим, что российские контрсанкции содержат в себе все признаки сверхимперативных норм / норм непосредственного действия – как применяемые ввиду их особого значения вопреки иному правовому регулированию. Защита публичных интересов, основ экономики, политической системы государства придает контрсанкционной норме особое значение, делая ее сверхимперативной.

Российские контрсанкции при определенных обстоятельствах могут квалифицироваться в качестве институтов международного публичного права – контрмер, самопомощи пострадавшего государства. Вместе с тем правовая природа контрсанкций и рестрикций неодинакова, и их отождествление видится некорректным.

Причисление контрсанкций к репрессалиям не в полной мере соответствует современному международному праву, которое связывает этот термин с правом на силовую защиту, в то время как российские контрсанкции носят исключительно мирный экономический характер.

Контрсанкции, изначально являясь мерами публичного права, в большей степени направлены на регулирование именно частноправовых отношений, что прямо следует из объема частных правоотношений, затронутых контрсанкционным регулированием (имущественных, корпоративных, трудовых и иных отношений). Именно фокусирование на частноправовых отношениях придает российским мерам ответный характер – они не направлены на изменение политического курса иных стран в общем и целом, а ориентированы непосредственно на защиту суверенитета, экономики и граждан нашей страны, на прекращение дискриминационных действий.

¹³ Указ Президента от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47802>.

Библиографический список

1. Бутакова Я. С. Контрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) // Право и политика. 2024. № 10. С. 59–71. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.10.69366>. EDN: <http://elibrary.ru/zgizso>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69366.
2. Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7. С. 143–149.
3. Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/72-80>.

4. Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 3. С. 96–141. URL: DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-3-gabov>.
5. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. Т. 3, № 3. С. 119–142. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/8513>.
6. Koehler H. Sanctions and international law // International Organizations Research Journal. 2019. Vol. 14, issue 3. P. 27–47.
7. Бахин С. В., Ерёменко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175. URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7228>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30693632>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zvrjvb>.
8. Калинин А. В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.
9. Лукашук И. И. Право международной ответственности. Москва, 2004. 404 с. URL: <https://klex.ru/ih5>.
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19, No. 3, Pp. 378–416. URL: <http://www.jstor.org/stable/2009785?origin=JSTOR-pdf>.
11. Giumelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War // Swiss Political Science Review. 2012. Vol. 18, Issue 1, Pp. 137–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1662-6370.2012.02054.x>.
12. Валяровский Ф. И. Международное право и новый мировой порядок в XXI веке // Политическое пространство и социальное время. Симферополь: АРИАЛ, 2016. С. 37–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26897107>. EDN: <https://elibrary.ru/wqipfd>.
13. Собакин В. К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. Москва, 1962. 518 с.
14. Крицкий К. В. Односторонние ограничительные меры в контексте международно-правового принуждения // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 62–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30035515>. EDN: <https://elibrary.ru/zhgyjd>.
15. Рыбинцева Е. А. Понятие односторонних ограничительных мер в современном международном праве // Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года. Минск: БГЭУ, 2022. С. 175–177. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93252/1/Rybintseva_E.A._175_177.pdf.
16. Crawford J. State Responsibility. The General Part. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>.
17. Giegerich T. Retorsion. MPEPIL, 2011, 684 p.
18. Коновалова Е. А., Фарвазова Ш. Р. Реторсии в международном праве: правовые аспекты. Проблемы разграничения со смежными категориями // Форум молодых ученых. 2017. № 12. С. 15–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retorsii-v-mezhdunarodnom-prave-pravovye-aspekty-problemy-razgranicheniya-so-smezhnymi-kategoriymi>.
19. Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. Москва: Проспект, 2015. 184 с. URL: <https://onlinelit.net/book/ekonomicheskie-sankcii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave>.
20. Кинаш Д. Я. Параллельный импорт и реторсии в международном частном праве // II Международный междисциплинарный научно-практический конгресс «Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues»: сборник статей / под ред. д. ю. н. Б. А. Шахназарова, 25–26 апреля 2023 г. Москва, 2023. С. 321–324. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54593450&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/szbvmm>.
21. Гетьман-Павлова И. В., Варей-Соммьер П. Нарушение «сверхимперативных» норм как основание для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 22–42.
22. Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. 559 S.
23. Вольф М. Международное частное право. Москва, 1948. 703 с. URL: <https://www.prilib.ru/item/1050420>.
24. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. Москва, 2005. 183 с. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-makarov/osnovnye-nachala-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-480965/>.
25. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex Russica. 2018. № 4 (137). С. 81–97. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.081-097>.
26. Засемкова О. Ф. К вопросу о понятии и признаках сверхимперативных норм международного частного права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 4. С. 86–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583121>. EDN: <https://elibrary.ru/wjsrlh>.
27. Нароев А. М. Международное частное право: последствия введения санкций // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 318–320. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98875/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50130004>. EDN: <https://elibrary.ru/jykaap>.

28. Пименова Е. Н. Арбитражное процессуальное право в системе частного и публичного права // Право: история, теория, практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). Санкт-Петербург: Реноме, 2011. С. 114–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26325734>. EDN: <https://elibrary.ru/tymkob>.

References

1. Butakova Ya. S. *Kontrsanktsionnoe regulirovanie: sravnitel'no-pravovoi analiz (Rossiya i Kitai)* [Counter-sanctions regulation: comparative legal analysis (Russia and China)]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2024, no. 10, pp. 59–71. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.10.69366>. EDN: <http://elibrary.ru/zgizso>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69366 [in Russian].
2. Shakhnazarov B. A. *Sanktsionnoe pravo: ponyatie, predmet, metod, normativnyi sostav* [Sanctions Law: Concept, Subject, Method and Regulatory Framework]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, vol. 17, no. 7, pp. 143–149. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.143-149> [in Russian].
3. Butakova Ya. S. *Kontrsanktsii kak mezhotraslevoi institut rossiiskogo prava* [Counter-sanctions as an intersectoral institution of Russian law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2023, no. 4, pp. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/72-80> [in Russian].
4. Gabov A. V. *Antisanktsionnye mery v rossiiskom prave* [Anti-sanction measures in Russian law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 96–141. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-3-gabov> [in Russian].
5. Starzhenetskiy V. V., Butyrina V. A., Kuritsyna K. S. *Rossiiskoe antisanktsionnoe regulirovanie: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya* [Russian anti-sanctions regulation: current state and ways of improvement]. *Zakon*, 2021, no. 3, pp. 119–142. Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/8513> [in Russian].
6. Koehler H. Sanctions and international law. *International Organizations Research Journal*, 2019, vol. 14, issue 3, pp. 27–47.
7. Bakhin S. V., Eremenko I. Y. *Odnostoronnie ekonomicheskie «sanktsii» i mezhdunarodnoe pravo* [Unilateral economic «sanctions» and international law]. *Zakon*, 2017, no. 11, pp. 162–175. Available at: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7228>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30693632>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zvrjvb> [in Russian].
8. Kalinin A. V. *Ekonomicheskie sanktsii OON i odносторонние экстраterritorial'nye mery ekonomicheskogo prinuzhdeniya* [UN economic sanctions and unilateral extraterritorial measures of economic coercion]. *Yurist-mezhdunarodnik* [International Lawyer], 2005, no. 4, pp. 30–37 [in Russian].
9. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti* [The law of international responsibility]. Moscow, 2004, 404 p. Available at: <https://klex.ru/ih5> [in Russian].
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia. *World Politics*, 1967, vol. 19, no. 3, pp. 378–416. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2009785?origin=JSTOR-pdf>.
11. Giumelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. *Swiss Political Science Review*, 2012, vol. 18, issue 1, pp. 137–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1662-6370.2012.02054.x>.
12. Valyarovskiy F. I. *Mezhdunarodnoe pravo i novyi mirovoi poryadok v XXI veke* [International law and the new world order in the 21st century]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya* [Political space and social time]. Simferopol: ARIAL, 2016, pp. 37–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26897107>. EDN: <https://elibrary.ru/wqpifd> [in Russian].
13. Sobakin V. K. *Kollektivnaya bezopasnost' – garantiya mirnogo soshchestvovaniya* [Collective security is a guarantee of peaceful coexistence]. Moscow, 1962, 518 p. [in Russian].
14. Kritskiy K. V. *Odnostoronnie ogranichitel'nye mery v kontekste mezhdunarodno-pravovogo prinuzhdeniya* [Unilateral restrictive measures in the context of international legal coercion]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2017, no. 4 (115), pp. 62–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30035515>. EDN: <https://elibrary.ru/zhyjyd> [in Russian].
15. Rybinceva E. A. *Ponyatie odносторонних ogranichitel'nykh mer v sovremenном mezhdunarodnom prave* [Concept of unilateral restrictive measures in modern international law]. In: *Gosudarstvo i pravo vo vremeni i prostranstve: sbornik tezisev dokladov Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem studentov, magistrantov, aspirantov, 3 dekabrya 2021 goda* [State and law in time and space: collection of theses of the reports of Republican research and practical conference with international participation of students, masters, and postgraduates, December 3, 2021]. Minsk: BGEU, 2022, pp. 175–177. Available at: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93252/1/Rybintseva_E.A._175_177.pdf [in Russian].
16. Crawford J. *State Responsibility. The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>.
17. Giegerich T. Retorsion. MPEPIL, 2011, 684 p.
18. Konovalova E. A., Farvazov S. R. *Retorsii v mezhdunarodnom prave: pravovye aspekty. Problemy razgranicheniya so smezhnymi kategoriyami* [Retorsions in international law: legal aspects. Problems of limitation with related categories]. *Forum molodykh uchenykh*, 2017, no. 12, pp. 15–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/retorsii-v-mezhdunarodnom-prave-pravovye-aspekty-problemy-razgranicheniya-so-smezhnymi-kategoriyami> [in Russian].

19. Keshner M. V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya* [Economic sanctions in modern international law]. Moscow: Prospekt, 2015, 184 p. Available at: <https://onlinelit.net/book/ekonomicheskie-sankcii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave> [in Russian].
20. Kinash D. Ya. *Parallel'nyi import i retorsii v mezhdunarodnom chastnom prave* [Parallel import and retorsions in international private law]. In: *II Mezhdunarodnyi mezhdistsiplinarnyi nauchno-prakticheskii kongress «Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava / Private International Law Issues»: sbornik statei / pod red. d. yu. n. B. A. Shakhnazarova, 25–26 aprelya 2023 g.* [Shakhnazarov B. A. (Ed.) II International interdisciplinary research and practical congress «Topical issues of International Private Law / Private International Law Issues»: collection of articles, April 25–26, 2023]. Moscow, 2023, pp. 321–324. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54593450&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/szbvmm> [in Russian].
21. Get'man-Pavlova I. V., Vareilles-Sommieres P. *Narushenie «sverkhimperativnykh» norm kak osnovanie dlya otkaza v priznanii i ispolnenii inostrannykh arbitrazhnykh reshenii (sudebnaya praktika Frantsii i Rossii)* [Violating Super-imperative Norms as Grounds to Refuse the Recognition and Execution of Foreign Arbitrage Decisions (Judicial Practice of France and Russia)]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law Journal of the Higher School of Economics], 2015, no. 1, pp. 22–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-sverkhimperativnykh-norm-kak-osnovanie-dlya-otkaza-v-priznanii-i-ispolnenii-inostrannykh-arbitrazhnykh-resheniy-sudebnaya> [in Russian].
22. Savigny F. C. von. *System des heutigen Römischen Rechts*. Bd. 8 Berlin, 1849, 559 S. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_AMkotPYy4WkC/mode/2up.
23. Volf M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law]. Moscow, 1948, 703 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/1050420> [in Russian].
24. Makarov A. N. *Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Basic principles of private international law]. Moscow, 2005, 183 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-makarov/osnovnye-nachala-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-480965/> [in Russian].
25. Shulakov A. A. *Publichnyi poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy tolkovaniya i primeneniya sverkhimperativnykh i imperativnykh norm* [Public policy in private international law and problems of interpretation and application of super mandatory and mandatory provisions]. *Lex Russica*, 2018, no. 4 (137), pp. 81–97. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.081-097> [in Russian].
26. Zasemkova O. F. *K voprosu o ponyatii i priznakakh sverkhimperativnykh norm mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The problem of the definition of the super-imperative rules (overriding mandatory provisions) of private international law]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal* [International Economic & Law Journal], 2016, no. 4, pp. 86–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583121>. EDN: <https://elibrary.ru/wjsrlh> [in Russian].
27. Nagoev A. M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: posledstviya vvedeniya sanktsii* [Private international law: the consequences of sanctions]. *Molodoi uchenyi*, 2023, no. 2 (449), pp. 318–320. Available at: <https://moluch.ru/archive/449/98875/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50130004>. EDN: <https://elibrary.ru/jykaap> [in Russian].
28. Pimenova E. N. *Arbitrazhnoe protsessual'noe pravo v sisteme chastnogo i publichnogo prava* [Arbitration procedural law in the system of private and public law]. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2011 g.)* [Law: history, theory, practice: materials of the 1st International scientific conference (St. Petersburg, July 2011)]. Saint Peterburg: Renome, 2011, pp. 114–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26325734>. EDN: <https://elibrary.ru/tymkob> [in Russian].